

ЯЗЫКОВАЯ СИСТЕМА LANGUAGE IN SYSTEM

DOI: 10.22363/2618-897X-2025-22-3-474-488

EDN: ACUIAM

Научная статья / Research article

Тенденции в сфере глагольного управления в чувашском языке: соотношение билингвизма и динамики узуса

А.П. Долгова^{ID}

Чувашский государственный институт гуманитарных наук, г. Чебоксары, Российская Федерация

✉ enzenz@yandex.ru

Аннотация. Влияние чувашско-русского двуязычия на речевое поведение билингвов проявляется в том числе и в нарушениях узуальных правил, которые, в свою очередь, приводят к изменениям в грамматической системе чувашского языка. Основное внимание в исследовании уделено анализу изменений в области синтаксической сочетаемости в глагольно-субстантивных словосочетаниях чувашского языка, происходящих под воздействием доминирующего русского языка. Актуальность темы обусловлена прежде всего возрастающим влиянием грамматической системы русского языка на особенности речи носителей чувашского языка, являющихся в абсолютном большинстве двуязычными. Имеющиеся в чувашском и русском языках различия в составах средств, связанных с глагольным управлением, приводят к интерференционным явлениям в глагольной сочетаемости чувашского языка. Цель работы — проследить основные тенденции в динамике не только в узуальном употреблении (разговорный язык, публицистические тексты и др.), но и в кодифицированном литературном языке (отражающиеся, например, в нормативных словарях). Изменения в правилах глагольного управления в чувашском языке и в предпочтениях тех или иных конструкций, как падежных, так и послеложных, изучены в хронологических рамках с начала XX в. по настоящее время, особое внимание уделено последним нескольким десятилетиям. Изменения в структуре некоторых моделей глагольно-субстантивных словосочетаний чувашского языка, наблюдающиеся в течение всего этого периода, представляют собой смену способа или средства синтаксической связи компонентов. В основном это замена падежного способа послеложным или одной формы (падежной или формы внепадежной системы) другой формой.

Ключевые слова: чувашский язык, узуальная норма, кодификация нормы, билингвизм, глагольное управление, синтаксическая сочетаемость глагола

© Долгова А.П., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи: поступила в редакцию 10.04.2025; принята к печати 10.06.2025.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Долгова А.П. Тенденции в сфере глагольного управления в чувашском языке: соотношение билингвизма и динамики узуса // Полилингвильность и транскультурные практики. 2025. Т. 22. № 3. С. 474–488. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-3-474-488>

The Tendencies in the Sphere of Verb Government in the Chuvash Language: Correlation Between Bilingualism and the Dynamics Usage

Alevtina P. Dolgova

Chuvash State Institute of Humanities Sciences, *Cheboksary, Russian Federation*

✉ enzenz@yandex.ru

Abstract. The influence of Chuvash-Russian bilingualism on the speech behavior of bilinguals reveals in violations of usage leading to the changes in the grammatical system of the Chuvash language. The special attention is paid to the analysis of changes in the field of syntactic combinability in verb-nominal collocations of the Chuvash language influenced by the dominant Russian language. The topicality is due to the increasing influence of the Russian language grammatical system on the speech peculiarities of the Chuvash speakers who are mainly bilingual. The differences between the Chuvash and Russian languages in the composition of means related to verb government lead to interference phenomena in the verb combinability of the Chuvash language. The aim of this paper is to observe the main tendencies in dynamics both in usage (spoken language, publicistic texts and etc.) and the codified literary language (normative dictionaries). The changes in the rules of verb government in the Chuvash language and preference for certain constructions, both case and postpositional, are studied chronologically from the early XX century to the present, special attention is paid to the last few decades. The changes in the structure of some models in verb-nominal word collocations of the Chuvash language, observed throughout this period, represent the change in the way or means of components' syntactic connection. It is mainly the replacement of the case-forms by the postpositional ones or one form (case or non-case system form) by another one.

Key words: the Chuvash language, usage, norm codification, bilingualism, verb government, syntactic verb combinability

Article history: received 10.04.2025; accepted 10.06.2025.

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

For citation: Dolgova, A.P. 2025. "The Tendencies in the Sphere of Verb Government in the Chuvash Language: Correlation Between Bilingualism and the Dynamics Usage." *Polylinguality and Transcultural Practices*, 22 (3), 474–488. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-3-474-488>

Введение

Языковая норма, формирующаяся в среде носителей того или иного языка в ходе речевого общения, обрабатывается и закрепляется в общественном употреблении как узуальная норма. Литературная (стандартная) норма основывается на узуальной норме и представляет собой кодифицированную

норму, официально закрепленную системой правил в словарях, справочниках, учебниках. Эти правила носят прескриптивный и императивный характер, воспринимаются как гарант единства и стабильности стандартного языка. Для узувальной нормы характерны вариативность, подвижность, она является источником изменений стандартной языковой нормы. В фиксации узувальной нормы преобладает дескриптивный подход.

Как известно, развитие языка основывается на противодействии двух тенденций: с одной стороны, это стремление к устойчивости и сохранению существующей системы, с другой — к ее адаптации к изменяющимся условиям, преобразованию, совершенствованию. Таким образом, язык представляет собой постоянно меняющееся явление. Наиболее значительные перемены происходят в словарном составе, синтаксический уровень в этом отношении отличается большей стабильностью. Тем не менее и синтаксис подвергается изменениям. На сегодняшний день отсутствуют обобщающие работы, посвященные системному анализу инновационных изменений в синтаксическом строе чувашского языка. В имеющихся публикациях в основном представлены частные наблюдения над отдельными синтаксическими явлениями, представленными в текстах печатных средств массовой информации и разговорной речи, интерпретирующимися в большинстве случаев как нарушения нормы¹. Изменения в синтаксическом строе современного чувашского языка нуждаются в анализе, систематизации, теоретическом обобщении. Особенно актуален вопрос определения роли иноязычного влияния в процессе трансформации языковых норм, источником которой является чувашская речь билингов.

Обсуждение

Изучение тенденций, имеющих место на уровне словосочетаний, актуально в первую очередь в связи с необходимостью дальнейшей нормализации литературного чувашского языка. При решении задач в этой области следует учитывать аспекты диахронии и синхронии, дифференцировать факты изменения нормы, связанные с развитием языка, и факты нарушения нормы как следствие немотивированных отклонений от общепринятого употребления. Актуальны проблемы кодификации языковых норм, связанные с распространенной в узусе вариативностью, в числе которых значатся и модели глагольно-

¹ См.: Горшков А.Е. *Си хысăмахпа пур чухне те вырăнлă уса куратпăр-и?* [Всегда ли уместно использование послелога *си*?] // Ялав. 1971. № 11. С. 32; Павлов И.П. *Пенсие е пенси сине тух?* [Выйти в пенсию или на пенсию?] // Хыпар. 1991. 19 ноября; Федотов М.Р. «Мана авланасшăн мар...» [«Не желает на мне жениться...»] // Коммунизм ялавĕ. 1990. 23 декабря; Его же. *Валли хысăмах пирки* [О послелоге *валли*] // Хыпар. 1999. 20 января; Никифоров Г.Л. *Сăмаха тĕрĕс те вĕтĕмлĕ кала* [Используй слово правильно и веско] // Хыпар. 2018. 30 января; и др.

субстантивных словосочетаний. В чувашской языковедческой практике при наличии вариативности способа выражения того или иного содержания решение, как правило, выносилось в пользу одного из способов. Предпочтение отдавалось «исконному» варианту, считавшемуся наиболее точно соответствующим устоявшемуся системному строю языка. Однако необходимость расширения функциональных возможностей языка приводит к многочисленным заимствованиям, прежде всего лексическим. Первенство по числу среди неологизмов принадлежит терминам, специальным словам и сочетаниям. Заимствование путем калькированного перевода нередко влечет за собой еще и освоение синтаксических моделей языка-донора. Таким образом, иноязычные элементы проникают не только в словарный состав, но и в грамматическую структуру языка.

Возрастающее воздействие иноязычной грамматической системы на речь носителей чувашского языка связано с экстралингвистическими факторами, прежде всего с возрастающей ролью функционально доминирующего русского языка. При этом характер влияния русского языка на письменный чувашский язык и на разговорную речь чувашей имеет свои особенности. На речевом поведении билингва, кроме необходимости переключения с грамматического кода одного языка на код другого, сказываются еще недостаточная компетентность в родном языке и низкий уровень престижа языка своего этноса у чувашей. Следствием этих обстоятельств является то, что несоблюдение норм родного языка порицается общественностью далеко не всегда. Трансформации в синтаксическом строе письменного чувашского языка возникают еще в 20–30-е гг. прошлого века, и связано это, в первую очередь, с появлением многочисленных переводных текстов разного объема (от отдельных лексем до многостраничных законодательных актов на страницах периодических изданий, крупных произведений классиков русской художественной литературы и учебных изданий по различным дисциплинам общеобразовательной школы). Первые признаки этих тенденций отмечаются и в чувашских текстах XIX — начала XX в. (в переводах православных и просветительских текстов, на страницах первой чувашской газеты «Хыпар», издававшейся в 1906–1907 гг.).

В настоящее время на территории проживания чувашей доминирует русскоязычное пространство — наблюдается обилие текстового, аудио- и видеоматериала как в реальной жизни, так и в виртуальном мире. Чувашское население практически полностью двуязычно, носитель чувашского языка чуть ли не с рождения оказывается в двуязычном окружении. Информационная среда на русском языке во много раз превышает среду чувашеязычную. Билингв, владеющий обоими языками приблизительно в равной мере, в ходе коммуникации периодически переходит с одного языка на другой, часто — со смешением кодов одного языка с кодами другого. Подобные интерференционные

явления обнаруживаются на всех уровнях языковой структуры: фонетики (акцент), лексики и фразеологии (употребление иноязычных лексем и устойчивых сочетаний), грамматики (образование слов или их форм, организация словосочетаний и предложений по структурным схемам иного языка).

Типична ситуация, при которой знания в области второго языка билингва находятся на недостаточно высоком уровне, и по этой причине в процессе коммуникации он ориентируется в большей степени на родной язык. Однако в случае с билингвами — носителями миноритарных языков чаще наблюдается обратное явление, при выстраивании речи нередко элемент русского языка приходит на ум быстрее, чем элемент чувашского. В современной отечественной лингвистике существует трактовка сути подобных фактов (применительно к «англизации русскоязычного сообщества») как когнитивного сдвига, когда «связи между коммуникативным намерением и его вербальным воплощением по-английски крепче, чем по-русски у некоторых носителей русского языка» [1. С. 30].

Отклонения от исконной грамматической нормы в чувашской устной речи, как правило, происходят в ходе соотнесения грамматических систем чувашского и русского языков. Если в таком сравнении обычно «проигрывает» неродной (второй) язык, то в сообществах с родным миноритарным языком происходит обратное — в проигрыше оказывается менее используемый в сообществе родной язык, даже если он был для говорящего первым из усвоенных языком. Двухязычный чуваш нередко производит речь на родном языке, выстраивая мыслительную деятельность на русском. Доминирование в мыслительной деятельности грамматических норм русского языка при значительном расхождении в грамматическом строе двух языков приводит к частому использованию в речи иноязычных конструкций (возможно, даже только с чувашскими лексемами), впоследствии — к изменениям и в строе чувашского словосочетания в языковой системе.

Синтаксический уровень языка считается достаточно устойчивым и подверженным трансформациям в наименьшей степени. Все же, по наблюдениям лингвистов, синтаксис реагирует на экстралингвистические факторы, по сравнению с морфологией, заметно активнее. Однако не все инновационные процессы происходят под иноязычным влиянием. Иногда то, что на первый взгляд кажется нарушением синтаксической нормы, может оказаться закономерным продолжением тенденций, развивающихся на базе структурных ресурсов грамматической системы самого языка.

На современном этапе, под которым мы подразумеваем рубеж веков начиная с середины 1980-х гг., многие инновации в структуре чувашского словосочетания возникают и регулярно воспроизводятся в основном в публицистических текстах или в разговорной речи, из которых переходят в язык художественной литературы, затем фиксируются в словарях. Публицистика

занимает в настоящее время ведущие позиции в стилевой структуре и русского литературного языка: «...по силе и масштабу влияния на развитие литературного языка, формирования языковых вкусов, речевых норм он превосходит художественную речь. Особенно велика роль в этих процессах СМИ. Многие новые средства литературного выражения рождаются и проходят апробацию сначала в публицистическом стиле» [2. С. 314–315]. К взаимоотношениям различных стилей чувашского языка и литературного языка, на наш взгляд, данное утверждение не совсем применимо, так как здесь прослеживаются несколько иные тенденции. Долгое время основным источником кодификации норм чувашского литературного языка служил симбиоз художественной литературы, газетно-журнальной периодики и частично радиовещания. Ситуация начала меняться в начале нынешнего века. Если в конце 1980-х — 1990-е гг. печатное слово имело еще непререкаемый авторитет и силу, публицистический стиль оказывал решающее влияние на литературный язык (при незначительном участии разговорной речи), то нынешняя ситуация отличается другими трендами. Теперь преимущество за разговорным языком, подверженным мощнейшему воздействию со стороны русского языка. Интерференция, возникающая по этой причине на всех уровнях, — главный фактор, влияющий на тенденции трансформаций в чувашском языке. Кодифицированный чувашский язык, отражающийся в современных словарях, научных грамматиках и учебных пособиях, в некоторых моментах начинает заметно отличаться от разговорного чувашского языка (да и от языка публицистики тоже), следовательно, появляются признаки разрыва между кодифицированной и узуальной нормами.

Речевой практике билингва при использовании второго языка (языка, в котором они менее компетентны, а в нашем случае нередко таковым выступает родной язык) присуще стремление к экономии усилий, двуязычный человек произвольно ищет пути наименьшего сопротивления, чтобы достичь «симметрии, состояния двуязычного изоморфизма» [3. С. 43]. Речь в таком случае характеризуется максимальной репрезентацией явлений, совпадающих в родном и доминирующем языках, и игнорированием различий. Так, нередко носитель чувашского языка при построении высказывания на этом языке выбирает модель синтаксической конструкции русского языка, языка с более широким кругом функций, вследствие этой многофункциональности успешно развивающегося и широко представленного в окружающем пространстве. Экономия усилий при подборе конструкции для выражения того или иного содержания интуитивно вынуждает сделать выбор в пользу русской речевой логики.

Если говорить о грамматике современного чувашского языка, то можно заметить, что наиболее активные изменения происходят в структуре словосочетания. Дело в том, что словосочетание, будучи номинативной единицей,

представляет собой соединение двух знаменательных слов, но означает одно понятие, которое выражается главным словом и конкретизируется зависимым от него компонентом. В конечном итоге словосочетание с его сложной синкретичной природой «оказывается феноменом лексико-морфолого-синтаксическим» [4. С. 75], близким по своим некоторым признакам к лексике — самому изменчивому уровню языка. Структурные изменения в словосочетаниях поддаются наблюдению и легко обнаруживаются: «...изменения в системе словосочетаний происходят значительно быстрее, чем в системе предложения... могут быть обнаружены на протяжении сравнительно коротких промежутков времени и происходят часто на глазах одного поколения» [5. С. 5].

В структуре русских и чувашских глагольных словосочетаний имеются заметные расхождения. Правила глагольной синтагматики заложены в синтаксической сочетаемости (валентности) глаголов, то есть грамматическую форму соединяемых слов диктует синтаксическая сочетаемость определяемого слова, в нашем случае — глагола. Способность глагола управлять той или иной формой другого полнозначного слова заложена в морфосинтаксической системе языка, конкретно — в лексико-грамматической характеристике глагола, или, в иной терминологии, в актантной структуре глагола.

В системе глагольного управления русского и чувашского языков прослеживается определенный межъязыковой изоморфизм: в обоих языках глагольно-субстантивные словосочетания строятся по моделям, содержащим падежные формы существительных (или слов и словоформ иных частей речи, использующихся в функции субстантива), обусловленные синтаксической валентностью (сочетаемостью) глагола.

Основное формальное различие в этих языках — использование, кроме падежных форм, в русском языке предлогов, в чувашском — послелогов. В то же время предлоги и послелогии являются функционально соотносимыми категориями, следовательно, и по отношению к ним можно говорить о межъязыковом изоморфизме. Расхождения же касаются конкретных функционально-семантических характеристик — как падежных категорий, так и предлогов и послелогов, последние различаются еще и позициями относительно зависимых от глаголов компонентов (препозиция в русском и постпозиция в чувашском).

Чувашский язык отличается большим, чем в русском языке, количеством глаголов, требующих в качестве зависимого слова немаркированных имен (существительных или прилагательных): *кёнеке вула* «читать книгу», *купăс кала* «играть на гармонии», *эрне кан* «отдыхать неделю», *йăнăш сыр* «писать с ошибками». Кроме того, одно и то же синтаксическое значение в этих языках может выражаться совершенно разными способами или разными средствами. Это несовпадение обусловлено закономерностями ограничений сочетаемости

слов в разных языках, имеющими отношение не столько к лексическим значениям глагола, сколько к правилам синтаксических связей между сочетающимися словами.

Сопоставительный анализ структуры глагольно-субстантивных словосочетаний русского и чувашского языка показывает, что для русского языка преобладающим типом являются словосочетания с маркированным (падежным и предложно-падежным) подчинением (то есть с синтаксической связью управления), а для чувашского языка — словосочетания и с немаркированным (форма основного падежа), и с маркированным (падежным, послеложным, падежно-послеложным) подчинением. Таким образом, для современного русского литературного языка характерно предложно-падежное глагольное управление больше, чем для чувашского — падежно-послеложное.

В течение XX в. в чувашском языке наблюдался рост числа моделей глагольных словосочетаний с послеложной связью за счет уменьшения количества моделей с падежным управлением. С этими процессами непосредственно связано и численное увеличение послелогов за счет десемантизации форм так называемых служебных имен (существительных и прилагательных, семантика которых имеет отношение в основном к пространственным значениям: *си* ‘поверхность’, ‘верх’ — *синчен* ‘о’, ‘про’; *хыс* ‘зад’, ‘задняя часть’ — *хысшан* ‘после’; *урла* ‘поперечный’ — *урла* ‘поперек’, ‘через’ и др.). Нередко лексемы из данной группы трактуются как послелог даже в случаях, когда они сохраняют полнозначность, только на том основании, что в некоторых контекстах они функционально соответствуют русскому предлогу. Так, по аналогии с русским словосочетанием *положить в мешок* создается чувашское сочетание *хутас айне хур* (буквально: мешок + во внутренность + положить, т. е. ‘положить внутрь мешка’) вместо *хутаца хур* (глагол с зависимым существительным в форме датива). С точки зрения структурного строения словосочетание *хутас айне хур* — сложное, состоящее из сочетаний *хутас айне* (словосочетание с маркированной вершиной: определение *хутас* ‘мешок’ и определяемое *айне* ‘внутренность’ в форме третьего лица категории принадлежности) и *айне хур* (глагол *хур* ‘положить’, требующий существительное в дативе, и зависимое слово *айне* в соответствующей форме). Ряд примеров, подобных этому, можно продолжить: *автобуса кёр* — *автобус айне кёр* ‘зайти в автобус’; *машинаран тух* — *машина айненчен тух* ‘выйти из машины’; *арчаран ил* — *арча айненчен ил* ‘взять из сундука’.

Действительными переходами существительных в послелог можно считать редкие случаи вроде *синчен* в значении русских предлогов ‘о (об)’, ‘про’. В конструкциях *пурнайс синчен калас* ‘разговаривать о жизни’, *пурнайс синчен шухайшла* ‘размышлять о жизни’ словоформа *синчен* (*си*, *сий* ‘поверхность’, ‘верх’ в форме аблатива) полностью десемантизировалась и грамматика-

лизировалась, трансформировавшись в послелог. Выбор на эту словоформу изначально пал, видимо, по аналогии с русским предлогом *над* (*задуматься над жизнью*). В других тюркских языках аналог русских предлогов *о* (*об*) и *про* (в функции обозначения объекта разговора, размышления и т. д.) имеет иное происхождение; сравните: татар. *турында, турыда, хакында*; башкир. *тураһында*; казах. *туралы*; узбек. *ҳақида*, турецк., азербайджан. *haqqında*, якут. *туһун*, тувин. *дугайы, дугайында* и т. д.

В тюркологии до середины XX в. группа слов в форме падежей с пространственной семантикой (датель / директив, локатив, аблатив, комитатив), а также некоторых прилагательных (также с пространственной семантикой) квалифицировалась большей частью как категория послелогов. После публикации Н.К. Дмитриева [6] сложилась традиция трактовать их как служебные имена, занимающие промежуточное положение между полнозначными именами и послелогом. В вопросе дифференциации действительных послелогов, служебных имен, полнозначных существительных, прилагательных и наречий в тюркологии до сих пор нет единого мнения [7; 8]. Некоторые из форм так называемых служебных имен чувашского языка полностью десемантизировались и используются как послелог. В основном они употребляются в функции близких по семантике предлогов русского языка, например: *телефон тӑрӑх калаш* ‘говорить **по** телефону’ — вместо *телефонна калаш*. Но в современных текстах достаточно часто встречается и сочетания типа *сукмак тӑрӑх таврӑн* ‘вернуться **по** тропинке’ — вместо *сукмакна таврӑн*; *кӗпер урлӑ каҫ* ‘перейти через мост’ — вместо *кӗперне каҫ*; сравните: *Акӑ пӗр сын кӗперне каҫа пырать сырман*. К. Иванов («Нарспи») ‘Вот один человек переходит речку по мосту’, в которых в качестве аналога русского предлога используется слово, по морфологической природе являющееся именем существительным или прилагательным с пространственным значением и не потерявшее своей семантической самостоятельности.

Послеложное управление заменяет не только падежное управление, но и управление, оформленное грамматическими формами так называемой внепадежной системы (в данной ситуации мы придерживаемся трактовки исследователя чувашской морфологии В.И. Сергеева [9. С. 180–187]): *сурсӗр таран лар* — *сурсӗрчен лар* ‘сидеть до полуночи’, *чӑваш чӗлхи ҫине куҫар* — *чӑвашла куҫар* ‘перевести на чувашский язык’; некоторые грамматические значения могут выражаться при помощи трех разных средств: *ача пек савӑн* — *ача евӗр савӑн* — *ачалла савӑн* ‘радоваться как ребенок’. Часть подобных моделей уже утвердилась в качестве кодифицированной нормы.

Наиболее высокую частотность в современной чувашской речи имеют формы слова *ҫи* (*сий*) ‘поверхность’, в том числе грамматикализировавшиеся формы датива (*ҫине*) и аблатива (*ҫинчен*). Словоформа *ҫине* (буквально ‘на поверхность’) в сочетании с именем существительным употребляется

как эквивалент русского предлога *на*: *сётел сине хур* буквально ‘положить на поверхность стола’, то есть ‘положить на стол’. Словоформа *сине* в современной чувашской речи по аналогии употребляется и в сочетаниях, соответствующих русским словосочетаниям с предлогом *на*, замещая собой падежные формы: *ман сине шан* ‘надейся на меня’ — вместо *мана шан*; *автобус сине лар* ‘сесть на автобус’ — вместо *автобуса лар*. В публикациях по культуре чувашской речи часть подобных примеров расценивается как нарушение нормы. Сочетания типа *купăс синче выля* ‘играть на гармони’ (вместо *купăс кала*), *пенси сине тух* ‘выйти на пенсию’ (вместо *пенсие тух*), *Нина сине силлен* ‘сердиться на Нину’ (вместо *Нинăна силлен*), *кимё синче ярăн* ‘кататься на лодке’ (вместо *кимёне ярăн*) уже в течение нескольких десятилетий порицаются как случаи ненормативного употребления, однако количество таких моделей в разговорной речи не только сокращается, но и множится.

Вместе с тем расширение употребления предложно-падежных форм за счет беспредложных (в случае с чувашским языком — употребления послеложно-падежных форм за счет беспослеложных) — скорее всего, общая черта языков, совмещающих синтетические и аналитические черты, в том числе и русского языка. Причиной этого является, как указывают исследователи, стремление к дифференциации значений полисемантических падежей при помощи дополнительных средств выражения того или иного значения. Увеличение роли предлогов в оформлении приглагольных второстепенных членов предложения — это черта и русского языка, фиксируемая еще с XVII в. [10. С. 426–428].

В современной чувашской речи встречается и вариантность, создавшаяся из-за изменений в употреблении падежных форм чувашского языка: *чавсана сырт* — *чавсаран сырт* ‘кусать локоть’, *яла тунсăхла* — *ялишан тунсăхла* — *ялсăр тунсăхла* — *ялтан тунсăхла* (а также с послеложной связью *ял пирки тунсăхла*) ‘соскучиться по деревне’.

Вариантность средств в системе чувашского глагольного словосочетания к настоящему времени практически стала нормой. В ряде случаев она тоже служит разграничению значений, выражаемых тем или иным падежом. К примеру, творительный падеж в чувашском языке может выражать синтаксическое значение не только комитатива (совместности) (*юлташна кил* ‘прийти с другом’), но и инструменталиса (орудия) (*пурăна сыр* ‘написать мелом’), локатива (места) (*урампа пыр* ‘идти улицей’), темпоратива (времени) (*ирпе вăран* ‘проснуться утром’), каузатива (причины) (*пуля лекнипе вил* буквально ‘умереть попаданием пули’), образа действия (*пётём вăйна пус* ‘нажать всей силой’) и др. Значение некоторых из приведенных словосочетаний современный носитель чувашского языка может выразить при помощи других синтаксических спо-собов: *юлташна пёрле кил* ‘прийти вместе с другом’, *урам тăрăх пыр* ‘идти по улице’, *ирхине вăран* ‘проснуться утром’, *пуля лекнĕрен*

вил ‘умереть из-за попадания пули’, *пётём вайран пус* ‘нажать изо всех сил’. Действительно, процесс изменения норм может быть вызван внутренними причинами, возможно, причина в развитии письменного чувашского языка и расширении круга функций, выполняемых им, однако выбор форм реализации этого процесса происходил и продолжается, на наш взгляд, под влиянием русского языка.

Изменение синтаксического сочетаемостного потенциала глагола может быть результатом развития семантики (в том числе под иноязычным влиянием). Появление нового значения в семантической структуре глагола может повлечь за собой возникновение новых валентностных потенций. Рассмотрим на примере изменения синтаксической сочетаемости глагола *пер* ‘стрелять’. Первоначально этот глагол со значением ‘кидать, бросать’ образовывал сочетания по модели «глагол + немаркированная форма существительного в функции объекта» (*чул пер* ‘кинуть камень’; *чул* — в форме основного падежа, соответствует русской форме винительного падежа) или «глагол + существительное в форме творительного падежа в функции инструмента и/или объекта» (*чулна пер* ‘кинуть камнем’; *чулна* — в форме творительного падежа). Со временем этот глагол начал использоваться для выражения значения ‘стрелять’ (в татарском языке подобное значение развилось у глагола *ат*, родственного чувашскому глаголу *ывйт*, в диалектах — *ыт*, *ут*). С появлением огнестрельного оружия данный глагол стал использоваться уже для обозначения стрельбы из пищалей, ружей, пушек, ракетных установок и т. д. Что касается формы слова, зависящего от этого глагола, то в течение последних 100–120 лет идут трансформации, из-за которых долгое время фиксируется вариативность, что отражается и в словарях, изданных в разные годы: *пужалба пер* ‘выстрелить из ружья’²; *пйшал пер* ‘стрелять из ружья’, *пйшал переке* ‘стрелец’, *пйшал переке салтак* ‘стрелок’, *Салтаксем пйшал перессё* ‘У солдат идет стрельба’, в то же время *пйшална пени* ‘стрельба’, *салтаксен пйшална немелли вырй* ‘стрельбище’³; *пйшал пер* ‘стрелять из ружья’⁴; *тупй перессё* ‘стреляют из пушки’⁵; *пйшал пер* ‘стрелять из ружья’⁶; *пйшал[тан]*

² Золотницкий Н.И. Корневой чувашско-русский словарь, сравненный с языками и наречиями разных народов тюркского, финского и других племен. Казань : Тип. Имп. ун-та, 1875. С. 47.

³ Никольский Н.В. Русско-чувашский словарь / Издание Переводческой комиссии при Управлении Казанского учебного округа. Казань : Центр. тип., 1909. С. 539.

⁴ Егоров В.Г. Чувашско-русский словарь / Чуваш. научно-исслед. ин-т социального и культурного строительства ; отв. ред. С.Ф. Фомин. Чебоксары : Чуваш. гос. изд-во, 1935. С. 346.

⁵ Там же. С. 348.

⁶ Чувашско-русский словарь / Научно-исслед. ин-т языка, литературы, истории и экономики при Совете министров Чуваш. АССР ; под ред. М.И. Скворцова. Москва : Рус. яз., 1982. С. 283.

пер ‘стрелять из ружья’⁷; *пулеметна пер* ‘стрелять из пулемета’⁸; *рогаткăна пер* ‘стрелять из рогатки’⁹; *ухă пер* ‘пускать стрелу’, *ухăна пер* ‘стрелять из лука’, *ухăна переке* ‘лучник’¹⁰; *автоматна пер* ‘стрелять из автомата’¹¹; *винтовкăна пер*, *винтовкăран пер* ‘стрелять из винтовки’¹²; *пăшал пер* ‘стрелять из ружья’¹³; *тупăна пер* ‘стрелять из пушки’¹⁴; *ухăна пер* ‘стрелять из лука’¹⁵.

Таким образом, в различных двуязычных (чувашиско-русских и русско-чувашиских) словарях уже в течение полутора столетий отражается вариантное употребление форм слов со значением инструмента при глаголе *пер* ‘стрелять’: номинативной, комитативной и аблативной. Анализ наибольших по объёму двуязычных словарей показывает, что имя существительное, зависимое от глагола *пер* ‘стрелять’, в форме аблатива в качестве варианта немаркированной формы впервые было представлено в «Русско-чувашском словаре» 1971 г.: *пăшал(тан) пер* ‘стрелять из ружья’¹⁶, хотя примеры такого употребления массово появились в газетных публикациях и произведениях писателей-фронтовиков еще в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. А наличие примеров *пăшалтан дублетна пер* ‘стрелять из ружья дублетом’¹⁷, а также встречающиеся как в устной, так и письменной речи фраз, выстроенных по типу *рогаткăран чулна пер* ‘стрелять из рогатки камнем’, *ухăран наркăмăшланă сёмренне пер* ‘стрелять из лука отравленной стрелой’, — свидетельствует о расширении сочетаемостного потенциала глагола. Дополнение актантной структуры глагола еще и актантом-средством (к имеющемуся уже актанту-инструменту) приводит к функциональному распределению форм двух падежей: комитатив становится выразителем средства (*сёмренне пер* ‘стрелять стрелой’), функция выражения инструмента переходит к аблативу (*ухăран пер* ‘стрелять из лука’). Этот процесс в некоторой мере имеет

⁷ Чувашско-русский словарь / Научно-исслед. ин-т языка, литературы, истории и экономики при Совете министров Чуваш. АССР; под ред. М.И. Скворцова. Москва: Рус. яз., 1982. С. 285.

⁸ Там же. С. 313.

⁹ Там же. С. 335.

¹⁰ Там же. С. 520.

¹¹ Скворцов М.И. Чувашско-русский словарь: в 2 томах. Т. 1: А–Р / под ред. Г.А. Дегтярёва, А.П. Долговой, И.П. Семёновой; Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2021. С. 24.

¹² Там же. С. 151.

¹³ Там же. С. 557, 560.

¹⁴ Скворцов М.И. Чувашско-русский словарь: в 2 томах. Т. 2: Р–Я / под ред. Г.А. Дегтярёва, А.П. Долговой, И.П. Семёновой; Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2022. С. 325.

¹⁵ Там же. С. 377.

¹⁶ Русско-чувашский словарь / под ред. И.А. Андреева и Н.П. Петрова. Москва: Советская энциклопедия, 1971. С. 762.

¹⁷ Чувашско-русский словарь. С. 97.

отношение к явлению, отмеченному Д.Ю. Апресяном как невозможность «одновременной реализации форм со значением инструмента и средства в том случае, когда обе они выражены творительным падежом» [11. С. 128]. Смена нормы в чувашской синтаксической системе происходит в данном случае из-за стремления преодолеть грамматическую омонимию, возникшую под воздействием внешних обстоятельств, но форма выражения при этом выбирается под влиянием грамматической системы русского языка.

Заключение

Одна из тенденций, прослеживающихся в динамике норм чувашского языка с начала XX в. по настоящее время, имеет отношение к сфере синтаксических связей слов. За последние полтора столетия произошло значительное расширение функциональных возможностей глагольного управления при помощи послеложной связи. Фиксируются также изменения в употреблении падежных форм чувашского языка, в частности, в некоторых глагольных словосочетаниях наблюдается смена одной грамматической формы зависимого компонента другой формой. Процесс, как правило, зарождается в устной речи или в языке публицистики, затем переходит в тексты художественной литературы, в конце концов часть новых моделей фиксируется в словарях. Таким образом, частые нарушения узусных правил нередко приводят к изменениям в кодифицированных нормах, следовательно, и в грамматической системе языка. Рассмотренные в данной работе факты изменения синтаксических норм чувашского языка в области глагольного управления свидетельствуют о трансформациях в способах и средствах синтаксической связи как по внутренним законам, так и под влиянием русского языка. Владение двумя языками, не совпадающими по своей грамматической структуре (в частности в моделях глагольного управления и сочетаемости глаголов), в двуязычном обществе с функционально преобладающим русским языком приводит к постепенному увеличению в миноритарном чувашском языке конструкций, выстроенных по логике языка с иным структурным строем.

Динамика узусной нормы, отражающая совокупность реальных употреблений тех или иных вариантов языковых единиц в диахронии и синхронии, представляет несомненный интерес для лингвистики с точки зрения изменений, происходящих в речи билингвов — носителей миноритарного языка, под влиянием доминирующего в обществе языка или же по каким-то внутренним законам, заложенным в грамматической системе самого чувашского языка. Для более глубокого исследования проблем трансформации грамматических норм чувашского языка и их причин требуется более широкое изучение структуры словосочетаний с применением анализа дистрибуции глагола.

Список литературы

1. Бондаренко О.Р. Англизация коммуникативного пространства современной России: Что дальше? // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. Вып. 3 (819). С. 22–34. EDN: BHIEAI
2. Солганик Г.Я. Публицистический стиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. Москва : Флинта ; Наука, 2003. С. 312–315.
3. Знаменская Т.А. Проблема билингвизма и его влияния на языковую личность // Инновационные проекты и программы в образовании. 2014. № 3. С. 42–46. EDN: SEWRWB
4. Головин Б.Н. Основы теории синтаксиса современного русского языка. Нижний Новгород : Изд-во Нижегород. ун-та, 1994. 170 с.
5. Шведова Н.Ю. Активные процессы в современном русском синтаксисе : (словосочетание). Москва : Просвещение, 1966. 155 с.
6. Дмитриев Н.К. Служебные имена в турецком языке // Советское языкознание. Т. 3. Ленинград : Ленингр. научно-исслед. ин-т языкознания, 1937. С. 129–145.
7. Зарипова И.Ф. Роль послелогов в системе подчинительной связи слов в татарском языке // Вестник Башкирского университета. 2009. Т. 14. № 4. С. 1417–1420. EDN: KZFLVH
8. Черкесова З.Б. О соотношении служебных имен, существительных, наречий и послелогов в тюркских языках // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2010. № 5. С. 138–143. EDN: MWINYP
9. Сергеев В.И. Морфология чувашского языка: словоизменение, формоизменение и формообразование. Чебоксары : ЧГИГН, 2017. 400 с.
10. Иванов В.В. Историческая грамматика русского языка. Москва : Просвещение, 1964. 451 с.
11. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. 1 : Лексическая семантика (синонимические средства). Москва : Языки русской культуры; Восточная литература, 1995. 472 с.

References

1. Bondarenko, O.R. 2019. "Anglicization of the communication environment of modern Russia: What next?" *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, issue 3 (819), pp. 22–34. EDN: BHIEAI Print. (In Russ.)
2. Solganik, G.Ja. 2003. "Publicistic style." *Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language*. Moscow: Flinta; Nauka publ., pp. 312–315. Print. (In Russ.)
3. Znamenskaja, T.A. 2014. "The problem of bilingualism and its effect on the personality speaker." *Innovative projects and programs in education*, no. 3, pp. 42–46. EDN: SEWRWB Print. (In Russ.)
4. Golovin, B.N. 1994. *Fundamentals of the theory of syntax of the modern Russian language*. Nizhnij Novgorod: Publishing House of the Nizhny Novgorod University publ. Print. (In Russ.)
5. Shvedova, N.Ju. 1966. *Active processes in modern Russian syntax: (combination of words)*. Moscow: Prosveshhenie publ. Print. (In Russ.)
6. Dmitriev, N.K. 1937. "Service names in Turkish." *Soviet linguistics*, vol. 3. Leningrad: Leningradskij nauchno-issledovatel'skij institut jazykoznaniya, pp. 129–145. Print. (In Russ.)
7. Zaripova, I.F. 2009. "The role of postpositions in the system of subordination of words in the Tatar language." *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, vol. 14, no. 4, pp. 1417–1420. EDN: KZFLVH Print. (In Russ.)
8. Cherkesova, Z.B. 2010. "About correlation of the service parts of speech, nouns, adverbs and postpositions in Turkic languages." *News of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, no. 5, pp. 138–143. EDN: MWINYP Print. (In Russ.)
9. Sergeev, V.I. 2017. *The morphology of the Chuvash language: inflection, shaping and forming*. Cheboksary: Chuvashskij gosudarstvennyj institut gumanitarnyh nauk publ. Print. (In Russ.)

10. Ivanov, V.V. 1964. *Historical grammar of the Russian language*. Moscow: Prosveshhenie publ. Print. (In Russ.)
11. Apresjan, Ju.D. 1995. *Selected works, vol. 1: Lexical semantics (synonymous means)*. Moscow: Jazyki russkoj kul'tury; Vostochnaja literatura publ. Print. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Долгова Алевтина Петровна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник филологического направления, Чувашский государственный институт гуманитарных наук, Российская Федерация, 428015, г. Чебоксары, Московский проспект, д. 29/1. ORCID: 0009-0006-8445-7877, eLibrary SPIN-код: 5576-1718. E-mail: enzenz@yandex.ru

Bio note:

Alevtina P. Dolgova is a Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher in the Philological Department, Chuvash State Institute of Humanities Sciences, 29/1 Moskovsky Prospekt, Cheboksary, 428015, Russian Federation. ORCID: 0009-0006-8445-7877, eLibrary SPIN-code: 5576-1718. E-mail: enzenz@yandex.ru